

ЭЛЬЗАС и СТРАСБУРГ

Елена Николаевна Грицак

Эльзас и Страсбург

Серия «Памятники всемирного наследия»

Текст предоставлен издательством «Вече»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167454
Е.Н.Грицак Эльзас и Страсбург: Вече; Москва; 2007
ISBN 978-5-9533-2046-7

Аннотация

История Эльзаса, края небольшого по территории и не слишком важного в стратегическом плане, представляет собой череду захватов и освобождений. В течение веков он был яблоком раздора между Германией и Францией. Последние 60 лет этот район принадлежит французам, но местные жители называют себя эльзасцами. Благодаря смешению культур Эльзас обрел ярко выраженную индивидуальность, что сказалось и на его столице – Страсбурге, городе, где рядом с романским собором находятся такие структуры, как Европейский парламент, Совет Европы и Европейский суд по правам человека. Имея развитую индустрию, будучи центром культуры и просвещения, эльзасская столица сохранила провинциальную прелесть, которая привлекает туристов и тех, кому страницы книг заменяют реальные путешествия.

Содержание

Введение	4
Искушение Эльзасом	7
В исторических потемках	11
Прибежище на высоте	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Елена Николаевна Грицак

Эльзас и Страсбург

Введение

Оказавшись в Эльзасе, трудно избавиться от ощущения, что пребываешь в сказке: яркая зелень, игрушечные домики, сложенные из камня или добротнo сбитые из дерева и щедро украшенные цветами, готические церкви, журчащие фонтаны, извилистые улочки деревень крепостного вида, узнаваемые по эмблемам винные погреба, замки на холмах, аккуратно возделанные поля, сады, виноградники. Все это имеется и на других землях Европы, однако особенностью эльзасских пейзажей является огромное количество аистов. Здесь они спокойно гнездятся на крышах, трубах, деревьях, словом, всюду, где способны уместиться их гигантские гнезда. На первый взгляд удивляет не обилие красивых тонконогих птиц, и даже не многочисленность сооружаемых ими жилищ. Поразительно, насколько спокойно относятся к этому домовладельцы. Считается, что в дом, на крыше которого аист совет гнездо, обязательно придут богатство и процветание. Несколько десятилетий назад уменьшение популяции аистов вызвало среди эльзасцев настоящую панику. Чтобы вернуть птиц в родные места, жители дружно взялись за

строительство: мастерили из веток и прутиков гнезда, кста-ти, достигающие в диаметре 2 м, укрепляя их на крышах домов и церквей. Видимо, оценив заботу, аисты начали слетаться домой и, судя по всему, больше не собираются покидать Эльзас.

Аист – символ Эльзаса. С рисунка Жана Жака Вальтца (Анси)

В начале прошлого века увековеченный местным карикатуристом Жаном Жаком Вальтцем, известным под псевдонимом Анси, аист стал символом региона. Пушистая плюшевая игрушка в виде аистенка с красными ногами является самым популярным сувениром, который можно купить в любой сувенирной лавке. Разнообразные изображения аиста – на открытках, плакатах, футболках, ручках, стаканах и пивных кружках – продаются здесь буквально на каждом шагу. Отвечая на людскую любовь благодарностью, пернатые «заботятся» о демографии населения. Конечно, они не летают

повсюду со свертками в клювах, но детей в городах Эльзаса много, видимо, аисты приносят их по ночам, тайно...

Искушение Эльзасом

Бывалые путешественники советуют новичкам не лететь из Парижа в Эльзас на самолете. Лучше воспользоваться автомобилем, проехав по живописной дороге, петляющей среди холмов, лесных чащ, уютных городков и средневековых замков. Помехой в пути могут показаться Вогезы (франц. Vosges), но этих гор не стоит бояться, поскольку их склоны пологи, перевал невысок, и даже такие неудобства с лихвой окупаются чудесными видами. Сразу за перевалом пейзаж резко меняется: вместо редких лиственных лесов появляются густые хвойные, слегка напоминающие сибирские, жара сменяется прохладой, и даже воздух становится гуще. Проезжая мимо фахверковых стен, исчерченных незатейливым узором деревянных балок, путник понимает, что рядом Германия. Впрочем, почему же рядом? Она уже здесь, ведь не случайно здешние города имеют немецкие названия: Риквир, Туркхайм, Нидерморшвир, Кайзерсберг, Страсбург.

Поздней осенью долины Вогезских гор утопают в тумане

В результате бесчисленных переходов от Германии к Франции этот край стал продуктом смешения непохожих культур. Если внимательно присмотреться к эльзасцам, нетрудно заметить, насколько они отличаются и от германцев, и от французов. У них действительно иной антропологический тип: приземистые фигуры, грубоватые черты лица, речь отрывистая, жесткая, как и манеры, хотя последние не лишены изысканности (все-таки Франция!). Говорят они на особом – эльзасском – диалекте. Необычный, но красивый по звучанию, этот язык является смесью французского и

немецкого, возникшей опять-таки из-за долгого взаимодействия двух культур.

Что же такое Эльзас? Это исторический регион на юго-западе Германии и современный – на северо-востоке Франции. Небольшой по территории (190 км в длину, 50 км в ширину), он занимает часть Верхнерейнской низменности между Рейном и крутыми восточными склонами Vogезских гор, на высоте покрытых девственными лесами, а снизу – виноградниками и садами. Название этой провинции можно смело произнести по-французски (Alsace) и по-немецки (Elsass), поскольку оба языка здесь имеют равные права. Эльзас расположен в самом сердце Европы, поэтому от других стран, в частности от Швейцарии, Люксембурга, Голландии, его отделяет всего несколько часов езды по отличным автострадам. Столицей края издавна является Страсбург, и он же имеет статус административного центра департамента Нижний Рейн (франц. Bas Rhin), тогда как Рейн Верхний (франц. Haut Rhin) возглавляет очаровательный город Кольмар.

Эльзасу не пришлось пережить кровавые драмы, хотя его не обошла стороной ни одна европейская война. После каждой битвы народов он очень быстро поднимался из руин, причем не только восстанавливался, но и ускорял развитие, делаясь богаче, краше, гармоничней в отношении всего в нем существовавшего. Создается впечатление, что этой земле предопределено быть мирной и спокойной. Кажется, сам Всевышний наградил ее качествами, которыми почему-то

обделил остальной свет. Райская природа, мягкий климат, доброжелательность людей, великолепная архитектура, суперсовременные технологии, богатая кухня и великолепные вина – вот что такое Эльзас! Тот, кто побывал в нем однажды, непременно пожелает приехать еще раз, потом еще и еще.... Неудивительно, что самую многочисленную группу поклонников этого края составляют ближайшие соседи-немцы, которые не упускают возможности прикоснуться к благам своей утраченной родины.

В исторических потемках

Местный народ славится своей способностью созидать, быть терпеливым, сохранять оптимизм даже в самые трудные моменты, каких в истории Эльзаса было немало. Известно, что узкая долина между Рейном и Вогезами входила в состав области с латинским названием Галлия и была заселена людьми по крайней мере с эпохи неолита. К I тысячелетию до н. э. первобытных обитателей сменили более цивилизованные, предположительно кельты. Не зная ни письменности, ни четкой государственной организации, они стояли на пороге высокой культуры, подтверждением чему является изобретенный ими счет времени. Они жили в укрепленных поселениях, где кипела торговля, крутились гончарные круги, звенели молоты кузнецов и монеты, бойко перетекавшие от покупателей к продавцам.

Считается, что галльские кельты достигли процветания во времена, когда только зарождался Рим, когда греки не ходили дальше Средиземноморья, а германцы оставались в доисторической тьме. Они поклонялись силам природы, верили в загробную жизнь и реинкарнацию. Способностью переселяться из одного тела в другое, по легенде, обладали друиды, как называли жрецов, существовавших в рамках замкнутой касты и связанных со светской властью. Кельтские духовники ведали жертвоприношениями, вершили суд, лечи-

ли, обучали и предсказывали будущее. Будучи самыми образованными среди своих соплеменников, друиды занимались фольклором, то есть создавали и хранили поэтические сказания, которые передавали устно, полагая, что буквы разрушают святость заклинаний.

Холм Святой Одиллии. Сооружения язычников-кельтов десятки веков существуют вблизи христианского монастыря

Жители Эльзаса бережно хранят обычаи предков. Память о кельтах, например, увековечена вблизи холма Святой Одиллии, слепой дочери герцога Этиньона, в VII веке испытавшей чудо исцеления, впоследствии основавшей монастырь и ставшей покровительницей края. Названная в ее честь обитель теперь считается местом священным, ведь именно здесь, в живописном предгорье, несчастная герцогиня обрела зрение, умывшись водой из ключа. Святой источник до сих пор привлекает толпы паломников, которые питают надежду на избавление от слепоты. Благодаря такому уникальному явлению, как прорицание, духовные традиции язычников-кельтов не противоречили христианству, в силу этого их материальные следы уже десятки веков существуют вблизи монастыря. Все построенное ими большей частью примитивно, и лишь в Галлии, переняв многое у римлян, кельты превзошли самих себя. На территории современной Франции они строили укрепления из каменных блоков, искусно соединенных с помощью деревянных балок, – «галльские стены». Оригинальный строительный прием, использованный в таких сооружениях, позже был перенят многими народами Европы. В свое время нечто подобное находилось и у холма Святой Одиллии. Однако к настоящему времени

от богатого кельтского наследия остались только гроты, вернее, рукотворные пещеры с обрамлением из больших камней, где, уединившись от любопытных глаз, жили друиды.

Монастырь Святой Одиллии. Обретя зрение, паломники могут полюбоваться великолепием романской архитектуры

Несмотря на раздробленность народов Галлии, кельтские чародеи действовали согласованно. Раз в год они собирались для обсуждения насущных проблем и могли, например, начать или остановить войну.

Но предотвратить наступление римлян им все же не удалось. Незадолго до прихода новой эры Юлий Цезарь решил захватить Галлию, заодно расправившись с кельтами. Когда его легионы уничтожили сотни поселений, истребив и поработив многие племена, в том числе и эльзасские, кельты сошли с исторической сцены.

Одерживая одну за другой победы над германцами, Цезарь пожелал отделить просвещенную латинскую цивилизацию от страны дикарей и сделал это с помощью линии укреплений. Границу составили крепости, воздвигнутые на западном берегу Рейна, а также по всему Эльзасу, и одна из них впоследствии стала Страсбургом. Таким образом ранее варварская область Галлии превратилась в форпост Римской империи. Расположение на стыке двух цивилизаций – латинской и германской – вместе с выгодой принесло эльзасцам немало неудобств оттого, что именно они зачастую бывали пострадавшей стороной в долгих и порой весьма драматичных конфликтах, казалось бы, их не касавшихся.

В конце IV века н. э., воспользовавшись слабостью им-

перии, Эльзас захватили алеманны. Их государство просуществовало до 496 года, пока не было уничтожено королем франков Хлодвигом, самым знаменитым представителем рода Меровингов. Пограничная долина вошла в состав франкского королевства, но монархи жили в больших городах, имея постоянные резиденции в старом, римском центре страны, и потому далеким Эльзасом почти не интересовались. Неизвестно, бывали они здесь или нет, но предания говорят, что Меровинги были большими поклонниками здешних вин.

Лотарь, мятежный внук Карла Великого

Сменившие их Каролинги – королевская династия, основанная Карлом Великим – привнесли в Эльзас, тогда бывший частью Алемании, порядок, главным образом за счет военной силы и распространения христианства. При них были построены многие известные ныне монастыри; заботясь о том, чтобы виноградники обрабатывались регулярно, они заложили основу экономического благополучия края. Со смертью Карла Великого в 814 году раздела империи не произошло, поскольку из 20 детей императора прямым наследником оказался всего один, уже коронованный Людовик Благодетельный. Братоубийственную войну начали его сыновья Карл Лысый, Людовик Германский и Лотарь. Каждый из внуков великого императора хотел получить свою долю, но Лотарь пожелал все, хотя уже владел императорскими инсигниями и лучшими землями (Рим, Ахен, Аквитания, Алемания, Бавария) в придачу к остальным ценностям империи. Поверженный отцом и братьями в страшной битве при Фонтенуа-ан-Пюизе в июне 841 года, когда родственники и хорошие знакомые сотнями убивали друг друга, он не отказался от своих притязаний.

После того как его войско вторглось во владения Карла, тот предложил Людовику объединиться, что и произошло в Страсбурге 14 февраля 842 года. Братья прибыли каждый в сопровождении своих воинов, романоязычных франков и

германоязычных тевтонов, не понимавших речи друг друга. Поэтому, обмениваясь клятвами, их предводители тоже говорили на разных языках: сначала 37-летний Людовик Германский по праву старшего обратился к брату по-романски, чтобы его воины могли понять сказанное, а 19-летний Карл Лысый с той же целью ответил по-германски.

Текст Страсбургских клятв сохранился в сочинении «О раздорах сыновей Людовика Благочестивого» франкского историка Нитгарда, который оставил потомкам «Четыре книги истории». Созданный им колоссальный труд содержал в себе сведения о самых значимых событиях первой половины IX века. Являясь очевидцем многих из описанных событий, автор, кроме того, принадлежал к семейству Карла Великого, а следовательно, был в родстве с обоими королями. Отдельно взятый текст Страсбургских клятв ныне представляет собой древнейший памятник, интересный не столько для историков, сколько для лингвистов.

unū quēq; ur̄m absoluo. Cūq; karolus
huc eade uerba romana lingua porrasse
Liothū uic qm̄ maior nati est. prior
lucē dēdē sēstruaturū testatū ē.

*no dub
fuerunt Italici
et uelut lingua*

Pro dō amur & p̄ xpi an̄ p̄blo & iur̄ cōmū
saluamēto. dēt dī p̄sūmō. inquantū
saur & p̄dū am̄bū uicū saluamēto
est mēn̄ frater karlo. & uic ad uicū
& in oīd hūc rōdā. sicut om̄ p̄dēt sū
fratē saluā dēt. Ino quād dī m̄stō
n̄ fāzē. Eo ad uicū uel dī ad m̄p̄
p̄dētū qui mēn̄ uel est mēn̄ frater
karlo in dōm̄nō. Quodā uicū
oplatū karolus m̄lūcā lingua t̄p̄
alio uerba testatū ē.

*patet in
omni
etiam
lingua*

Ingo dōt minna uidēdē xp̄an̄ s̄lōm̄
indūst̄ baltherogalmū. fōdēt
modā igit̄ fr̄m̄ m̄rdēlō fr̄m̄lō m̄rgō
gūm̄zē indūm̄lō fūgib̄ s̄haldē
dō mēn̄ b̄rūddēn̄ s̄dōm̄m̄n̄ s̄hū
s̄hūn̄ b̄rūddēn̄ uel uicū uicū s̄m̄gō
m̄lūcā indūm̄lō uicū m̄lūcā s̄hū
hūnḡn̄ ḡm̄gō s̄hūm̄n̄ dōm̄m̄n̄
et uicū uicū uicū.

Quodā uicū uicū uicū uicū uicū

Если довериться памяти Нитгарда, обет, произнесенный Людовиком Германским перед войском Карла, звучал так: «Pro Deo amur et pro christian poblo et nostro commun salvament, d'ist di en avant, in quant Deus savir et podir me dunat, si salvarai eo cist meon fradre Karlo, et in aiudha et in cadhuna cosa, si cum om per dreit son fradra salvar dift, in o quid il mi altresi fazet, et ab Ludher nul plaيد num quam prindrai qui meon vol cist meon fradre Karle in damno sit» («Во имя любви к Богу, во имя христианского народа и нашего общего спасения, с этого дня и впредь, насколько Бог мудрость и власть мне дал, буду спасать я своего брата Карла, не отказывая ему в помощи ни в каком деле. Я буду верен своему брату и нужно, чтобы он со мной поступал так же. С Лотарем же не заключу никакого договора, который по моей воле брату Карлу в ущерб был бы»).

После речи королей последовала клятва войск, причем каждое присягнуло на собственном языке. Так, например, ответили солдаты Карла: «Si Lodhuvigs sacrament que son fradre Karlo jurat conservat, et Karlus meos sendra de suo part non lostanit, si jo returnar non l'int pois, ne jo ne neuls cui eo returnar int pois, in nulla aiudha contra Lodhuuvig nun li iv er» («Если Людовик клятву, которую он дает своему брату Карлу, сдержит, а Карл, мой господин, со своей стороны, ее нарушит, если я ему в этом не смогу помешать, ни я, ни дру-

гой, кому я в этом смогу воспрепятствовать, никакой помощи против Людовика ему не окажет»).

Страсбургские клятвы стали одним из самых ранних свидетельств того, что в едином латиноязычном пространстве, унаследованном от Римской империи и сохранявшемся в пору варварских королевств, появились новые нации, в данном случае французская и германская, языки которых начали использоваться официально.

Каждый из братьев дал клятву, торжественно произнеся слова о верности, долге, Боге, братстве, сеньорах и вассалах. Между тем никто из них не употребил таких, казалось бы, приличных случаю слов, как «император», «король», «королевство». Видимо, частное тогда преобладало над общественным, и внуки Карла Великого слишком сильно желали мести, которая, осуществившись, могла бы предоставить им богатство. На стороне братьев были молодость, правда и объединенная армия, но даже такая грозная сила не могла одолеть Лотаря. Около полутора лет непрерывных сражений закончились миром, а затем и разделом империи, причем ни одна из сторон не имела ясного представления об истинных ее размерах. В соответствии с Верденским договором 843 года Карлу досталось то, что сегодня именуется Францией, а Людовик удовольствовался Германией. Лотарь получил центральную часть империи, то есть почти все то, что имел ранее, – обширные территории от юга Италии до Северного моря с плодородными землями и богатыми го-

родами, среди которых был и Страсбург, включенный в состав Лотарингии, как стали именовать государство Лотаря. По отзывам современников, двоедушный и коварный Лотарь соединял в себе черты мудрого правителя и храброго до безрассудства воина. Талант политика позволял ему править империей, крепко удерживая власть в своем государстве. Подобно отцу, он проявлял фанатичную набожность, отчего умер монахом, приняв постриг в 855 году, перед самой смертью. Один из трех его сыновей, тоже Лотарь, предпочитал молитвам более приятные занятия. Большую часть своей зрелой жизни он метался между двумя женщинами – бесплодной супругой Тейтбергой и возлюбленной Вальдрадой, родившей ему трех дочерей и сына Гуго, будущего герцога Эльзаса.

Лотарь-младший женился на своей любовнице, но церковь брак не признала и дети Вальдрады считались бастардами. Законных наследников у короля не было, чем не преминули воспользоваться его дяди. Постаревшие, но не утратившие честолюбия, Карл с Людовиком договорились о том, чтобы поделить между собой Лотарингию после смерти племянника. Однако когда тот умер, первый нарушил договор и захватил все, а второй, начав войну, заставил брата-обманщика пойти на уступки. Согласно Мерсенскому договору 870 года, Людовик Германский получил то, что значительно увеличило его владения к западу от Рейна. В числе прочих земель ему достался и Эльзас.

О правлении Гуго почти ничего не известно, зато само герцогство в хрониках раннего Средневековья упоминалось довольно часто. Накануне нового тысячелетия оно по-прежнему являлось частью Лотарингии – королевства, полного воспоминаний о славном прошлом, места, где процветали города, стояли красивые церкви и большие монастыри, многие из которых Карл Великий основал лично. Истинными хозяевами этого края были не короли, а знать, имевшая, помимо богатства, умелых и преданных воинов. Маленькая страна у подножия Вогез недолго принадлежала потомком Лотаря. Перейдя во власть германской ветви рода, она оставалась искушением для франкской, представители которой считали себя более Каролингами, чем все остальные. Борьба за владение столь привлекательным районом нередко доходила до настоящей войны, и такая ситуация сохранялась до конца X века. В 962 году дальний родич Людовика Германского, король Оттон Великий, присоединил Лотарингию к своему детищу – Священной Римской империи германской нации. Называя этот период золотым веком Эльзаса, историки не забывали уточнять, что войны здесь не утихали никогда. И с таким же постоянством край навещало благоденствие – видимо, не зря эльзасцы заманивали аистов на крыши своих домов. В XII веке его прибрали к рукам Гогенштауфены – семейство могущественное, воинственное, но не чуждое культуре, что не раз подтверждала деятельность самого видного представителя рода, императора Фридриха II Бар-

бароссы. В начале XIV века Эльзас находился в апогее своего развития. Вольный город Страсбург существовал по городскому праву и входил в Союз десяти свободных городов Германии, что доказывало его экономическую и интеллектуальную мощь. Начавшееся тогда возведение кафедрального собора – сооружения в равной степени сложного и красивого – стало свидетельством того, что эльзасцы были сильны и в техническом плане.

Фридрих Барбаросса не был чужд культуре, и художни-

ки платили ему благодарностью, изображая императора на миниатюрах

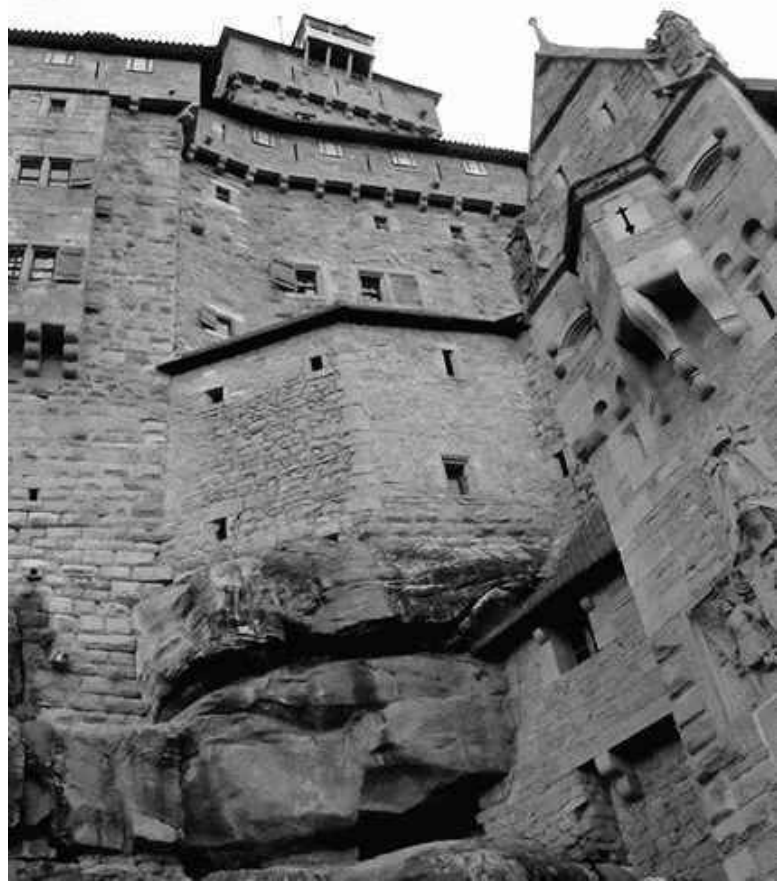
Захват города во время Столетней войны

Дальнейшему развитию, к сожалению, помешала Столетняя война, которая, хотя и не миновала Эльзаса, но все же в какой-то степени его пощадила. Развязанная англичанами, сначала она была всего лишь борьбой за право обладания французским наследством. Разрастаясь, ссора царственных родичей превратилась в конфликт межнациональный и, судя по названию, данному позднейшими историками, беспрецедентно длинный. В него было вовлечено все население двух

держав, благодаря чему сложилось четкое представление о национальном государстве. Кроме того, именно тогда произошел переход от рыцарских батальей, осуществлявшихся силами сюзеренов и вассалов, к войне государственной, которая велась профессиональными войсками. Большинство сражений Столетней войны проходило на севере Франции, поблизости от Эльзаса, но защищенный Вогезами край оказался вне военного пекла. Тем не менее прошедшие по его землям англичане, бургиньоны и арманьяки оставили после себя не только мрачные воспоминания, но и вполне материальные следы, доныне сохранившиеся на стенах замков.

Прибежище на высоте

По дороге из Парижа в Эльзас, проходящей через Вогезы, взору путешественника открываются вершины гор, многие из которых увенчаны замками. Крепость Высокий Кёнигсбург (от франц. *Hauf Koenigsbourg* – «Королевское прибежище на высоте») буквально вырастает из скалы, на вершине которой стоит почти тысячу лет. Ее облик напоминает о легендарных рыцарских временах: мощные, грубой кладки стены с темными глазницами окон, галереи, навесные бойницы, лес островерхих башен. К нему нельзя добраться на общественном транспорте, но можно проехать на машине по узкой извилистой трассе или, как в старину, пройти пешком, что несколько не пугает туристов, съезжающихся сюда со всего мира.

Высокий Кёнигсбург. Королевский замок выглядит так, словно вырастает из скалы

Сегодня в бывшей герцогской резиденции действует музей, проводятся экскурсии, детские праздники, исторические игры. Пожилыми летними вечерами гостей приглашают на ужины, какие устраивали в Средневековье, с теми же костюмами, музыкой, кухней, утварью, продуктами и вином из замковых подвалов. Высокий Кёнигсбург в самом деле расположен очень высоко. Занятая им площадка на самом верху скалистого отрога располагается на высоте 700 м, позволяя обозревать не только ближайший (8 км) городок Селесту, но и всю округу. Если задержаться у окна, непременно возникает ощущение, что быстротечное время остановилось у старых стен, словно не осмеливаясь проникнуть дальше дубовых ворот из страха перед прежними хозяевами, которые, по слухам, время от времени навещают свои владения. Судя по прозвищу, первый владелец замка Фридрих Одноглазый не обладал привлекательной внешностью, зато был богат, силен, принадлежал к влиятельному роду Гогенштауфенов и назывался герцогом Швабским. Этот титул означал владение одноименным районом, раньше занятым алеманнами, которых германцы именовали швабами. Сегодня четких границ герцогства не укажет никто, но известно, что Эльзас входил в него полностью. По своему могуществу и личным достоинствам Фридрих Одноглазый мог рассчитывать на импера-

торские регалии. Однако страх перед его силой и ненависть соседей-князей не способствовали избранию. Корону империи получил Лотарь Саксонский, злейший враг Гогенштауфенов. Он выгнал герцога из всех поместий почти в самый момент рождения у того сына, будущего императора Фридриха Барбароссы. Дождавшись, когда на престол взойдет родной брат (император Конрад III), герцог вернулся в Швабию и с головой погрузился в хозяйственные дела. Оценив стратегическую важность Эльзаса вообще и скалистой вершины Штофенберг в частности, он распорядился насчет постройки крепости, которой предстояло контролировать перекресток торговых путей – хлебного и винного, идущих с севера на юг, а также соляного и серебряного, протянувшихся с запада на восток. Точное время строительства крепости неизвестно, но в хрониках 1147 года о ней говорилось как о законченном сооружении с двумя квадратными башнями, разделенными широким рвом.

Фортификационная политика Средневековья предъявляла к замкам жесткие требования. С XIII века эльзасская знать руководствовалась документом под названием «Швабское зеркало», где было указано, какие постройки подпадают под законы об укреплениях, а потому требуют разрешения на строительство: башни, стены, если их край не может достать всадник своим мечом, стены с бруствером или зубцами, постройки, поднимающиеся над подвальным помещением больше, чем на два этажа, и вход в которые располо-

жен выше уровня колена. Укреплением также считался простой ров, выкопанный на глубину, не позволяющую выбросить землю без дополнительной площадки. В этом списке отсутствуют бойницы, эркеры, опускающиеся решетки, подъемные мосты, словом, детали, получившие распространение позже и зафиксированные уже в другом документе.

В германских замках по верху стены обычно проходила крытая галерея, или, как ее называли тогда, дозорный путь. Остальные части стены были защищены зубцами, которые, чередуясь с амбразурами, придавали строению устрашающий вид. Делу обороны служила и галерея на стене. Стоя на ней, воин, не имея ружья, все же пользовался преимуществом, ведь он располагался выше противника, а сила тяжести сообщала удару еще большую силу. Тот же принцип действовал и в отношении крепостей, поскольку летящие с большой высоты камни разрушали сильнее и убивали наверняка. При осаде защитники старались забраться как можно выше и, кроме того, прятались за дополнительными элементами, например за прочным бруствером, который достигал высоты в половину человеческого роста и был оборудован зубцами, закругленными наподобие щита, иногда покрытыми орнаментом, простыми прямоугольными или причудливыми, в форме ласточкиного хвоста. Разнообразные виды зубцов чаще встречались в теплых странах, но к таковым не относился Эльзас, где преобладали крытые галереи, способные защитить людей еще и от непогоды.

Проходом внутрь замка служили ворота с привратной башней, где чаще всего устраивалась часовня. Башни по углам стены и вдоль нее возникали в разное время и на разном расстоянии, которое вначале определялось дальностью полета стрелы. Хозяйственные постройки и замковая капелла обычно располагались неподалеку от таких башен. В центре двора возвышался донжон – строение, предназначенное для обороны, а в случае крайней необходимости, если враги сумели прорваться внутрь замка, служившее последним прибежищем. Толстые стены исключали разрушение, единственный вход находился высоко и был таким низким, что пройти через него одновременно не могли даже два человека, что крайне затрудняло штурм. Перед входом находилась деревянная площадка с лестницей или простыми мостками, которые обычно уничтожались после того, как дверь закрывалась за последним, кто входил в башню, скрываясь от врага.

Главная башня замка могла быть приспособлена и для постоянного жилья. Вначале такая постройка была единственной внутри стен и потому являлась домом, где жили все обитатели замка. С этажа на этаж вели деревянные лестницы или каменные ступени, устроенные в толще стены. Зал-столовая с огромным камином занимал целый этаж.

Высокий Кёнигсбург. Донжон крепости предназначался для обороны и временного жилья

На остальных 5–7 уровнях располагались подвал, кухня с кладовой, выше главного зала – теплые господские спальни, а над ними – холодные комнаты прислуги. Башня могла быть оборудована нужником в виде эркера или трубы в стене, а также одним или несколькими каминами. Люди, не принадлежавшие к семейству хозяина, не имели возможности установить даже примитивные отопительные приборы. Господа же грелись у решетчатых поддонов с тлеющим древесным углем, а уже к XIV веку в замках начали использоваться кафельные печи.

В пору позднего Средневековья жилые апартаменты переместились в более комфортабельный дворец, который, как в Высоком Кёнигсбурге, примыкал к донжону и соединялся с ним специальным входом. Такое устройство в случае опасности позволяло хозяевам быстро перебраться в главную башню. Еще одно ее назначение – сторожевая вышка – требовало соответствующей высоты. Караульные дежурили на самом верху, находясь или на платформе за бруствером с зубцами, или в крытом помещении. В германском климате нельзя было обойтись без крыши, однако особая конструкция позволяла сбросить ее в нужный момент затем, чтобы на освободившемся месте установить катапульту либо другое метательное орудие. Донжон Высокого Кёнигсбурга – соору-

жение не самое высокое среди себе подобных, но выглядит вполне достойно. С появлением огнестрельного оружия его стратегическая роль была утрачена и на смену башне жилой пришла орудийная, более надежная и современная.

Всякой средневековой крепости надлежало обеспечивать защиту от врага и только потом создавать условия для жизни обитателей королевского двора или, как в Высоком Кёнигсбурге, знатной семьи. Герцог Швабский, придерживаясь традиций, строил прежде всего крепость и потому не слишком заботился о престиже и удобстве при ее посещении, особенно незваными гостями. Строителям не пришлось искать место для карьера, ведь камень добывался прямо из скалы, которая, давая строительный материал, постепенно изменяла свои очертания, становилась более отвесной и ровной, а значит, неудобной для штурма. Мелкие куски породыгодились при устройстве выступов, сообщивших стенам еще большую прочность.

Высокий Кёнигсбург. Сторожевая башня со стрелковой галереей позади

Главный вход открывал путь к одной из башен, а она, в свою очередь, выходила на нижний, доступный для всех хозяйственный двор. Сюда выходили двери мастерских и комнат прислуги. Тут работали кузнец и мельник, странники могли отдохнуть на постоялом дворе, покормиться за хозяйский счет, послушать бродячих музыкантов. Здесь же находились конюшня, свинарник и прочие помещения для скота. Забота обо всем, что было необходимо для жизни, лежала на плечах самих обитателей замка. При осаде этот двор, в котором могли поместиться жители всей округи, служил убежищем. В мирное время он был открыт для заезжих торговцев и крестьян из соседней деревни Оршвиллер, предлагавших господину кое-что из собственных запасов. В нем постоянно толпился замковый люд, сновали слуги, разгоняя кур, гусей и поросят, которым не хотелось сидеть в загонах.

Подняться по лестнице с высокими ступенями и пройти далее через подъемный мост, ворота со львами, сквозь череду различных дверей разрешалось далеко не всем. Если герцог позволял, охрана пропускала гостя в господскую часть замка, в главный двор с глубоким (62 м) колодцем, кстати, единственным в замке источником чистой воды. В следующем, внутреннем дворе имелся просторный погреб, где хранились овощи, зерно и другие продукты – отрезанный от ми-

ра во время осады, замок должен был обеспечивать себя самостоятельно. Между погребом и кухней находился 4-метровой глубины резервуар для сбора дождевой воды, которой поили господских лошадей, заодно используя ее для стирки, уборки и купания. Во дворец можно было попасть через проход во внутреннем дворе. Это не очень красивое, по современным меркам, зато прочное здание включало в себя покои герцогской семьи, несколько приемных и спален для гостей, коими нередко были трубадуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.